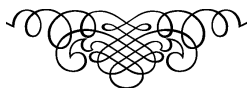

Избранница

«...И поднимался ангел все выше и выше на своих золотых крыльях. И плакал он, глядя сверху на гибнущий город. И рассыпались слезы его, превращаясь в сияющие камни...»

Конверт без обратного адреса Света нашла этим утром в своем почтовом ящике. Совершенно, можно сказать, случайно. Писем она не получала уже лет пять, да и газет не выписывала — зачем, если есть телевизор и Интернет? — поэтому и в ящик практически никогда не заглядывала. Ну, разве что время от времени, чтобы выгрести из него пачку никому не нужных политических листовок и рекламных проспектов. А сегодня ее точно магнитом потянуло.

Магнитом оказалось вот это странное письмо. Если бы не ее фамилия, выведенная мелким каллиграфическим почерком на длинном дымчато-сером конверте, Света, пожалуй, решила бы, что письмо — это происки каких-нибудь сектантов, а

Татьяна
Корсакова

так получалось, что послание адресное, именно для нее, Светланы Корнеевой, предназначенное.

Только вот тайный смысл этого «письма счастья» она постичь не могла, как ни пыталась. Какие-то плачущие ангелы, сияющие камни, туманные намеки на приход девы-избранницы и грядущего искупления — все очень аллегорично, путано и почему-то тревожно. Именно колкое, ничем не объяснимое беспокойство в самый последний момент удержало Светину руку, уже тянущуюся к мусорному баку.

«Письмо счастья» казалось не просто странным, оно было загадочным. Расплодившиеся в Москве религиозные секты не стали бы тратить на привлечение новых адептов такую качественную, явно недешевую бумагу и не изъяснялись бы полунамеками. Секты действуют намного прямолинейнее: со свойственной всем подобного рода организациям безапелляционностью вещают о приходе очередного мессии, зазывают на семинары и тренинги. А тут ничего подобного. То, что лежало в конверте, и письмом-то назвать сложно, скорее уж цитатой из какой-то книги или отрывком из дневника.

Разбираться с посланием не было времени: занятия в универе начнутся через полтора часа, а она еще даже не умывалась после работы. Она подумает об этом как-нибудь потом. Возможно, на лекции...

На лекции уделить внимание таинственному посланию тоже не получилось. Стоило Свете развернуть хрусткий, испещренный бисерным почерком лист, как не ко времени активизировалась подружка

Слеза ангела

Ритка. У Ритки случилась любовь с первого взгляда — как минимум пятая за семестр, — и теперь подружке не терпелось поделиться впечатлениями. Впечатления оказались, как всегда, незабываемыми, а кавалер — чистый эксклюзив.

— Прошлый был тоже чистый эксклюзив, — Света зевнула: сказывалась ночь, проведенная на ногах. Ну его к черту, это письмо-счастье, лучше подремать хоть немного.

— Это ты о том мажоре? — Ритка презрительно фыркнула. — Ну сравнила! Тот маменькин сынок, а этот настоящий мужик, солидный, красивый, щедрый.

Щедрый? Это что-то новенькое. Все предыдущие Риткины ухажеры, безусловно, были солидными и красивыми, но вот со щедрыми ей как-то не везло.

— Он меня в такое место водил, — подружка восторженно закатила глаза.

— Какое? — Света спрятала письмо между страницами конспекта, сдвинулась в сторону, так чтобы широкая спина сидящего впереди старосты группы Ивана Рожка загораживала ее от лекционной трибуны, положила голову на скрещенные руки и прикрыла глаза.

— Не могу пока сказать, — подружка перешла на заговорщицкий шепот, — он просил об этом не распространяться.

— Даже мне не скажешь? — Света открыла один глаз.

Татьяна
Корсакова

— Никому, — Ритка сокрушенно покивала головой. — Ты не представляешь, насколько у них там все круто, почти как взаправду.

— Где — там?

— Там, где я была. Ну, в том месте, о котором нужно молчать.

Света вздохнула. Что еще за тайны мадридского двора? Раньше Ритка делилась с ней всем-всем, даже такими интимными подробностями, о которых запросто можно было бы промолчать, а тут такая секретность.

— Корнеева, ты не обижайся. Хорошо? — подружка погладила ее по плечу. — Я там пообвыкнусь, присмотрюсь, а потом, может, он согласится и тебя с собой взять.

— Куда? — Света снова зевнула.

— Туда! Какая же ты непонятливая! Они особенные и почти как настоящие.

— Не нужно меня никуда с собой брать. И вообще, я спать хочу. Отстань, а?

Однако Ритка не отстала. Словкостью фокусника она выдернула из Светиноного конспекта сложенное вдвое письмо и прочла с придыханием:

— И сказал ангел деве: «Ты избрана, и дар мой — отныне ноша твоя». — Подружка черкнула острым ногтем по письму, оставляя на плотной бумаге глубокую царапину. — Корнеева, что это за ерунда такая?

— Не знаю, — спать Свете хотелось намного сильнее, чем разбираться с загадочным посланием. — Сегодня утром достала из почтового ящика.

Слеза ангела

— Почерк такой интересный, с завитушечками, — Ритка склонилась над письмом так низко, что едва не коснулась его кончиком носа. — И чернила странные, — она поскребла ногтем одну из букв, — бурые какие-то.

— Может, выцвели?

— Да ну, выцвели! Бумага-то совсем новая, — Ритка задумчиво посмотрела сначала на свой безупречный маникюр, потом снова на письмо и сказала уверенно: — Корнеева, а письмецо-то кровью писано.

— Ну, конечно, чем же еще, как не кровью, нынче письма писать?! — Света отобрала послание, сунула обратно в тетрадку с конспектами, но перед тем, как сунуть, все ж таки на секунду задержала взгляд на и вправду красно-бурых строчках. То, что писали не шариковой ручкой, — это факт. Ну так ведь и перьевые ручки сейчас не редкость. А чернила... Может, некачественные попались... — Рит, я ночь на ногах. Совесть поимей!

Подруга неодобрительно покачала головой, но развивать тему не стала, и на целых сорок минут Света погрузилась в сладкую дремоту. А потом все пошло наперекосяк. Она так расслабилась, что не заметила, как на втором часу лекции Иван Рожок сменил дислокацию, сдвинувшись в сторону. В результате этих его маневров перед Светой образовалась брешь, а сама она оказалась вся как на ладони.

Татьяна
Корсакова

— Корнеева! — Громогласный бас лектора, который по совместительству был еще и деканом их факультета, грубо вырвал Свету из объятий Морфея.

Она встрепенулась, осоловело посмотрела сначала на лектора, затем на что-то увлеченно калякающую в тетрадке Ритку — паразитка, хоть бы предупредила вовремя! — пнула ногой стул сидящего впереди Ивана. Тоже хорош гусь — о ближних не думает совсем!

— Корнеева, если вы думаете, что здесь вам зал ожидания, то сильно заблуждаетесь, — декан не поленился, выбрался из-за кафедры, сделал пару шагов по проходу и гневно взмахнул здоровенной деревянной указкой. — Это вам не зал ожидания, любезная! Это лекционный зал. И вести себя здесь надлежит подобающе, как в храме науки! А то привыкли у себя там... — он не договорил, но многозначительно пошевелил кустистыми бровями, давая понять, что в курсе Светиной двойной жизни.

Конечно, в курсе! У самого же рыльце в пушку. А может, хватит терпеть эти бесконечные придирки, взять да и слить весь компромат на уважаемого декана его дражайшей супруге? То-то она обрадуется...

— Встать, когда с вами преподаватель разговаривает! — гаркнул декан. Это ж надо, с виду сморчок сморчком, а бас — как у армейского командира, да и замашки соответствующие.

Света бросила еще один убийственный взгляд на притихшую Ритку, медленно встала из-за стола.

— А теперь покиньте аудиторию! — Декан унич-

Слеза ангела

тожающе улыбнулся. — Завтра жду вас у себя с конспектом лекции. И запомните, Корнеева, я сказал — с конспектом лекции, а не с ксерокопией конспекта.

Вот ведь урод! Света смахнула в рюкзак блокнот. Теперь придется потратить два часа на переписывание этой ахинеи. Декан любит, чтобы все было чистенько-красивенько, без сокращений и, упаси господь, без исправлений. Небось еще начнет красной ручкой грамматические ошибки править, извращенец... Она вышла из аудитории, не забыв при этом громко хлопнуть дверью. Глупо, конечно, конфликтовать с администрацией, но по-другому никак, у нее нервы не железные. Ладно, если станет совсем уж неважно, придется-таки прибегнуть к крайним мерам.

В отличие от мрачноватой прохлады университетского холла во дворе было тепло, если не сказать жарко. Света нацепила на нос черные очки, поглубже надвинула бейсболку, уселась в скверике, в уютной тени от развесистых лип, подсунула под ноющую поясницу рюкзак и закрыла глаза...

— ...Корнеева, подъем! Царство небесное проспий! — Кто-то нагло и фамильярно тряс ее за плечо.

Света открыла один глаз, проворчала:

— Изыди, нечистый.

Иван Рожок, а это именно он пытался призвать ее к порядку, совсем не обиделся, присел рядом и сказал ехидно:

— Извини, я как-то забыл, что на лекциях ты все время спишь. Увлекся.

Татьяна
Корсакова

— Увлекся он. — Света потянулась. — А меня из-за твоих увлечений с лекции турнули.

Иван многозначительно хмыкнул, но в полемику предпочел не вступать и спросил вполне миролюбиво:

— А чего он до тебя докопался?

— Кто?

— Декан.

— Работа ему моя, понимаешь ли, не нравится.

— А он знает, где ты работаешь?

— Как видишь. — Света, покрутив головой, запоздало поинтересовалась: — А Ритка где?

— Отпросилась. Занемогла наша красавица.

— Да что ты говоришь?! — Света всплеснула руками. — А на лекции была здоровее всех здоровых.

— Вот и училась бы у нее, как сухой из воды выходить, — посоветовал Иван. — Ритка никогда ни с кем не конфликтует. Не учит же ни хрена и при этом крепкая хорошистка. А все почему? — Он поднял вверх указательный палец. — Потому что понимает, что такое человеческий фактор.

— Человеческого фактора, Ваня, мне на работе выше крыши хватает, — Света решительно встала. — Пойдем, а то на пару опоздаем.

На пару они не опоздали, но Свету это не спасло. Интуиция не зря нашептывала, что если утро началось не с дуги, то и весь день пойдет наперекосяк. Так оно и вышло. В расписании занятий произошли изменения, и вместо милейшей Евгении Евгеньевны в аудиторию заявила Марья Сановна, мымра, каких поискать, и, между прочим, супруга декана.

Слеза ангела

Она окинула разом сникшую компанию орлиным взором, причем Свете показалось, что на ней взор задержался дольше, чем на остальных. Ох, не к добру это...

Интуиция не подвела. Вместо опроса Марья Сановна устроила фейсконтроль. Естественно, ей не понравился именно Светин фейс.

— Корнеева, что у вас с лицом? — прошипела она.

Вообще-то, с лицом у нее было все более или менее нормально, если не принимать во внимание синяки под глазами, появившиеся после бессонной ночи.

— А что с моим лицом? — на всякий случай уточнила Света.

— Оно у вас, как... — Марья Сановна не договорила, уставившись теперь на ее руки.

Руки как руки. Ну да, маникюр ярковат, но его в универе еще никто не запрещал, как и синяки под глазами. Можно подумать, ей самой так уж нравится алый лак. Это все издержки профессии — ее руки всегда должны находиться в идеальном состоянии и обращать на себя внимание в том числе ярким маникюром. Конечно, вернувшись домой, лак стоило стереть, но теперь уже что...

— Извольте покинуть аудиторию, — Марья Сановна взмахнула рукой в направлении двери.

— Почему? — Вот дурная у нее привычка докапываться до сути вещей. И без того же ясно — почему. Потому что эта мымра имеет на нее зуб. Наверняка супругник наябедничал.

Татьяна
Корсакова

— Потому что ваш внешний вид не соответствует высокому званию российского студента, — отчеканила Марья Сановна.

— Что-то я не видела в университетском уставе пункта, касающегося цвета ногтей, — буркнула Света, недовольно косясь на делающего ей предупредительные знаки Ивана.

— Корнеева, вам что-то не нравится? — Марья Сановна растянула губы в недоброй улыбке. — Так сходите в деканат, пожалуйте на преподавательский производ.

Вот, значит, как! Выходит, у них там не только семейный подряд, но еще и круговая порука! Ладно, видит бог, она не хотела опускаться до грубого шантажа, но если миром не получается...

Света собрала вещи, посмотрела на застывшую каменным истуканом Марью Сановну.

— Всего хорошего! — В конце концов, ей же еще и лучше, сейчас поедет домой и выспится наконец по-человечески.

— Рано расслабились, Корнеева, — Марья Сановна мстительно блеснула очами. — Встретимся в субботу на отработке!

Все, если у Светы еще оставались сомнения, то после этих слов они рассеялись как предрассветный туман. Сегодня же надо будет попросить Лешку, чтобы сбросил ей на диск запись, на которой пьяный в зюзю декан обнимается с девицей легкого поведения и просаживает денежки из семейного бюджета за игральным столом. А на что он рассчитывал?! Думал, что будет ее прессовать, а она и отве-

Слезка ангела

титель не сможет? Забыл, видать, старый хрыч, что в казино ведется постоянное видеонаблюдение. Хорошо бы Лешка работал сегодня в ночную смену, потому что с его напарником договориться не получится, а время идет, и хотелось бы к завтрашней встрече с деканом быть во всеоружии.

Несмотря на то что до полудня оставалось еще много времени, солнце уже палило вовсю. Света чертыхнулась, достала из рюкзака бейсболку, надвинула ее на самый нос. С солнцем у Светы с детства были очень сложные отношения. Солнце ее не любило, ну и она, разумеется, отвечала ему взаимностью.

А о какой любви может идти речь, когда ты — альбинос, и солнечный свет для тебя не то чтобы смертелен, но достаточно неприятен? Это только обывателям кажется, что альбинизм — чисто косметический дефект, а на самом деле проблема куда серьезнее. Светлую кожу можно запудрить или замазать тональным кремом. Волосы, брови и ресницы — покрасить. Проблема с чересчур светлыми, до прозрачности, глазами решается с помощью цветных контактных линз. Принимая во внимание арсенал имеющихся у современной женщины косметических средств, устранить недостатки во внешности легко. Основная же неприятность заключается в другом: в повышенной светочувствительности. Кожа, лишенная меланина, стораёт практически мгновенно, покрывается волдырями, потом очень долго шелушится. Примерно та же беда творится с глазами: от солнечного света на сет-

Татьяна
Корсакова

чатке могут появиться самые настоящие ожоги. Постоянно приходится щуриться, зимой и летом ходить в солнцезащитных очках. Казалось бы, мелочь, а очки многих раздражают. Людям гораздо комфортнее, когда они видят глаза собеседника. И с одеждой возникают проблемы: кофточки с коротким рукавом днем не поносишь, мини-юбки тоже. Вернее, поносить-то можно, но недолго. А вот расплачиваться за эту красоту и сексуальность придется много дней, потому что даже солнцезащитные кремы не спасают кожу от ожогов.

Вот именно из-за этих неприятностей Света предпочитала темное время суток и межсезонье, хотя глубоко в душе мечтала о море и жарком пляже. Это, конечно, и вовсе не достижимо, но так хочется...

В ее крохотной квартире царил кавардак. Ничего удивительного — она сама же это безобразие и сотворила. После ночной смены в казино между работой и учебой у нее оставалось чуть больше часа на то, чтобы принять душ, смыть с кожи и волос запах сигаретного дыма, переодеться и выпить чашечку кофе для бодрости. Времени на то, чтобы разложить вещи по своим местам, не оставалось. Единственное, чего она себе не позволяла ни при каком раскладе, — это грязную посуду в мойке. За грязную посуду ее особенно сильно ругал дед, пока был жив...

Обычно Свете не ставили две ночи подряд, но у

Слеза ангела

сменщицы Лоры Степановой заболел ребенок, и прошлой ночью пришлось выйти сверхурочно. А будущая ночь — это уже ее законная. Две ночи на ногах и без сна она точно не выдержит, так что черт с ним, с порядком, сначала нужно отоспаться.

Отоспаться Свете не дали. Стоило только задремать, как затрезвонил мобильник. Не открывая глаз, она нашарила на тумбочке телефон, поднесла к уху и гаркнула во все горло:

— Ритка, я тебя убью!

В трубке послышалось сначала глупое хихиканье, а уже потом голос подруги:

— Угадай, куда я сейчас собираюсь.

— Не знаю, — застонала Света.

— Я собираюсь в то самое место.

— Какое то самое место?

— То самое, про которое мне никому нельзя рассказывать.

— Ну так и не рассказывай. Зачем звонишь-то?

— Как думаешь, какое мне платье надеть? — Ритка ничуть не смутилась. — Он сказал, чтобы обязательно было вечернее платье. Ну, так какое: бирюзовое или черное?

— Ритка, иди к черту! Мне через пару часов опять на работу, — свободной рукой Света помассировала раскалывающийся от боли висок. Кажется, придется пить обезболивающее, потому что если она не выпьет его сейчас, потом станет совсем плохо, а впереди еще одна бессонная ночь.

Татьяна
Корсакова

— Правильно, я тоже думаю, что бирюзовое больше подходит к случаю, — сказала Ритка. — Я в нем вся такая трогательно-невинная.

На мгновение Света даже позабыла про головную боль. Трогательно-невинная! И это после надцатой по счету «любви с первого взгляда».

— Но, с другой стороны, в черном я вся такая роковая, — не унималась подруга. — Опять же, черное стройнит.

— Иди в черном, — Света сползла с дивана, нашарила в сумке таблетки, побрела на кухню за стаканом воды.

— Или все-таки бирюзовое? — вопрошал тем временем мобильник.

— Ритка, иди вообще без платья — произведешь фурор!

— У них, кажется, без платьев не принято. Они ж не нудисты.

— А кто они?

— Не могу сказать, — подруга горестно вздохнула. Чувствовалось, что поделиться секретом Ритке хотелось до зарезу, но, похоже, таинственный незнакомец взял ее в нешуточный оборот, если она не рассказывает о своих планах даже лучшей подруге. — Ты бы видела его тачку! Это же бэтмен-мобиль, а не машина! — сообщила Ритка доверительным шепотом. — Снаружи черная-черная, а изнутри отделана красной кожей. Стоит, наверное, дурных денег. Корнеева, кажется, я влюбилась насмерть.

— В бэтмен-мобиль? — Таблетка застряла на

Слеза ангела

полпути и не желала двигаться дальше. Света сделала глоток воды, покашляла.

— Да при чем здесь бэтмен-мобиль? — обиделась Ритка. — Я влюбилась в его хозяина. Он такой необычный.

— Рита, во-первых, ты повторяешься, — таблетка наконец проскользнула в желудок, — а во-вторых, будешь болтать — опоздаешь на свидание. Скажи хоть, это твое загадочное место, про которое нельзя говорить, в городе?

— За городом. Так что с платьем?

— Хоть бы что, — буркнула Света. — Ты там смотри, не позволяй этому бэтмену голову себе дурить и денег с собой на всякий случай возьми.

— Зачем? — удивилась Ритка.

— На обратную дорогу. А то мало ли, вдруг бэтмен-мобиль сломается.

— Вот умеешь ты поддержать, Корнеева. И откуда в тебе столько пессимизма?

— Я не пессимист, я реалист. И бэтменов всяких разных насмотрелась, причем в среде их естественного обитания.

— Мой не такой, — сказала Ритка убежденно.

— Не обольщайся, все они одинаковые. — Конечно, у подружки романтическое свидание, но нельзя же быть такой неисправимой идеалисткой. Кто-то должен отобрать у нее розовые очки. — Ладно, Рит, развлекайся и мне звони, если что.

— «Если что» не случится, — заверила ее подружка и отключилась.

Татьяна
Корсакова

Света покачала головой, положила мобильный на кухонный стол, сама уселась тут же на табуретку. Все, стараниями Ритки сон как ветром сдуло. Она осмотрелась — самое время для генеральной уборки. Завтра пятница, впереди выходные, пусть не совсем полноценные — в воскресенье в ночную смену выходить, — зато, если удастся разжиться диском с компроматом на декана, про субботнюю отработку можно будет забыть. Вряд ли декан захочет, чтобы запись попала в руки его благоверной. Света улыбнулась. Получается, что относительно свободными у нее будут и суббота, и воскресенье. Это ж какая роскошь! Сейчас надо только поднапрячься, сделать уборку, переглядеть ворох скопившегося за неделю белья — в общем, поработать на благо своего светлого будущего. А то, что не выспалась... Ну что ж, как раз для таких форс-мажорных обстоятельств и придуманы энергетические напитки.

В казино Света пришла на полчаса раньше, специально, чтобы иметь возможность осуществить свой иезуитский план с компроматом. Хотя здесь ей повезло — на смене был Лешка, значит, есть шанс договориться. Лешка немного поартачился, но потом согласился-таки просмотреть запись за прошлую субботу.

— Ничего не обещаю, — сообщил он, включая аппаратуру. — Сначала сам гляну что к чему, а уж потом решу. Время-то хоть какое? С какой камеры смотреть?

Света нахмурилась, припоминая.

Слезангела

— Время около двенадцати ночи, вторая камера, — она осторожно погладила Лешку по плечу. — Лешенька, ну, пожалуйста, мне очень нужно.

— Всем что-то нужно, — проворчал тот, колдуя над клавиатурой, — а мне потом Борман башку снесет.

— А он и не узнает, я ж специально пораньше пришла, чтобы у тебя проблем с начальством не возникло.

— Предусмотрительная, да? — Лешка кивнул на монитор, на котором мелькали кадры ускоренной перемотки. — Ну, смотри, который из этих удальцов тебе нужен.

— Рано, — Света покачала головой. — Чуть вперед прокрути. Стоп!

Лешка нажал на паузу, и на экране застыла блаженно жмурящаяся морда декана.

— Этот?

— Он самый. Значит, мне нужно с этого момента и до того, как он закончит лапать проститутку.

— Подожди. Надо ей, видите ли, а кто он вообще такой?

— Да так, козел один.

— Он, может быть, и козел, но в первую очередь клиент казино. Смотри, Света, если ты задумала что-нибудь противозаконное...

— Леш, — она сложила руки в умоляющем жесте, — ну посмотри на меня! Я же олицетворение законопослушности.

Татьяна
Корсакова

— А этот, — Лешка кивнул на экран, на котором в этот самый момент декан гладил проститутку по заднице, — олицетворение чего?

— Вот тебе наглядная иллюстрация, — Света поморщилась. — В общем, он мой декан. Он мне прохода не дает, вот и решила подстраховаться.

— В каком смысле прохода не дает? Домогается, что ли? — Лешка грозно нахмурился.

Света на секунду задумалась. Конечно, о физическом насилии речь не идет, а как насчет морального?..

— Домогается, — сказала она и для пущей убедительности потупила очи.

— Так, может, я ему просто морду набью? — предложил сердобольный Лешка.

— Не надо ему морду бить, мы все цивилизованно решим. Пригрожу, что покажу это безобразие его жене, — и все дела.

— Физическое внушение — оно как-то надежнее, а то мало ли что? Вдруг жаловаться прибежит. Информация-то конфиденциальная.

— Не прибежит, ему же самому лишний шум не нужен.

— Эх, подведешь ты меня когда-нибудь под монастырь, — Лешка отправил в дисковод услужливо подсунутый Светой диск. — Имей в виду: если меня подпалят и с работы турнут, я к тебе жить приду.

— Не подпалят, — Света чмокнула его в щеку. — Спасибо, Лешенька, ты настоящий друг.

Лешка пробурчал в ответ что-то невразумительное и расплылся в довольной ухмылке:

Слезка ангела

— Вьешь ты из меня веревки, Корнеева.

Она не стала спорить, энергично покивала, сказала с придыханием:

— Алексей, ты мой герой!

— Да ладно тебе, — его улыбка стала еще шире. — Заходи почаще, а то тут скука неимоверная.

— Так уж и скука, — Света спрятала в сумочку диск с компроматом. — Может, математик сегодня придет, вот и повеселитесь.

«Математиками» они называли тех чудаков, которые играли в рулетку не просто так, а по системе. По роду службы Света была знакома с дюжиной таких «беспроигрышных» систем. В теории они выглядели гладко и иногда даже логично, но теория и практика — совершенно разные вещи. И Света, вот уже без малого три года отработав крупье, знала это как никто другой. В казино нет и не может быть системы. Выигрыш — это всегда случайность, улыбка фортуны. Иногда, правда, выигрыш может стать результатом нечистоплотной игры или использования подручных средств. На курсах им рассказывали про парочку английских парней, которые вмонтировали мини-компьютер в мобильный телефон. Компьютер этот вроде бы просчитывал скорость вращения рулетки и вероятность выпадения того или иного числа. Говорят, те ребята сорвали очень большой куш, правда, однократно, больше их на порог казино не пустили. Но тот случай — скорее исключение из правил, чем закономерность.

В постоянных Светиных клиентах числился один весьма приятный интеллигентный дяденька

Татьяна
Корсакова

из числа вялотекущих лудоманов, который был абсолютно уверен, что выиграть можно, изучив и просчитав технику и силу броска крупье. Свои безобидные изыскания он проводил за Светиным столом, мелким выигрышам радовался как ребенок и приписывал их исключительно своей гениальной системе, хотя Света прекрасно понимала, что никакая это не система, а чистейшей воды теория вероятностей. Дяденька был безобидным, проигрывал гораздо больше, чем выигрывал, поэтому на его причуды администрация казино смотрела сквозь пальцы. А вот к остальным «математикам» отношение было не столь лояльным. Иногда, хоть и крайне редко, среди них попадались подозрительно везучие товарищи. За такими наблюдали с особенным вниманием и, когда их выигрыш достигал некоей «критической массы», вежливо, но настойчиво просили покинуть заведение. В случае, если клиент попадался особо непонятливый и строптивый, просьбы сопровождались физическим внушением. Как любила говаривать Светина начальница Ангелина Леонидовна: «Игорный дом — это не благотворительный фонд, это машина для зарабатывания денег, и задача персонала своевременно выявлять и нейтрализовывать всякого рода везунчиков».

Вот как раз один из таких «математиков»-везунчиков и нарисовался на горизонте четыре дня назад. Первый его визит пришелся на Светину смену, и стол для игры он выбрал именно ее. Наверное, решил, что если она самая молодая из крупье, то

Слеза ангела

ничего подозрительного не заметит. Поначалу она и не заметила. Клиент как клиент, с виду ничего особенного. Лет около тридцати — тридцати пяти, из-за сизой щетины не определишь точнее. Лицо симпатичное, лишь самую малость мрачноватое, но не одержимое игрой, как у некоторых, а так, в меру заинтересованное. Одет без изысков: в джинсы и кожаный пиджак. Не пьет, не курит, пошлых шуток в ее адрес не отпускает — в общем, идеальный клиент. Был бы идеальным, если бы не оказался «математиком»...

«Математика» Света вычисляла по глазам. Когда человек в уме производит расчеты, это сразу видно: взгляд становится сосредоточенным и слегка отрешенным. С обычными игроками все иначе. На их лицах, как правило, отражается масса разнокалиберных страстей и эмоций, спектр которых весьма широк: от предвосхищения скорой победы до ярости из-за проигрыша.

Этот парень точно был «математиком», но как ни старалась Света вычислить его систему, ничего путного у нее не выходило. А система была, причем какая-то на удивление действенная. Он стал выигрывать примерно через час после начала игры, при этом старался не привлекать к себе излишнего внимания, ставки увеличивал по чуть-чуть, а еще через три часа, на самом пике везения, взял и свернул игру. Ни один нормальный игрок так не поступит. Если фортуна тебе улыбается, надо выжимать из ситуации все по максимуму. Этот выжимать не стал, потому что у него была система, а система — это ан-

Татьяна
Корсакова

типод азарта. Никакой интуиции, никаких заклинаний богов, лишь трезвая голова и чистый расчет. А еще невиданная щедрость — двести долларов чаевых. Точно «математик».

Следующей ночью «математик» не пришел, но зато нарисовался днем и продолжил испытывать свою систему на деле, к слову, весьма успешно. А минувшей ночью парень вновь появился за Светиным столом. Вел он себя по-прежнему осторожно, но уже чуть наглее и ровно через четыре часа ушел с весьма приличной суммой, не забыв оставить хорошие чаевые.

Чаевые — это, конечно, очень приятно, лишние двести баксов в хозяйстве пригодятся, но работа есть работа, и Ангелину Леонидовну Света все-таки в известность о «математике» поставила. Правда, оказалось, что та в курсе, и что Борман, начальник службы безопасности, уже присматривается к подозрительному клиенту.

О том, какие меры могут быть приняты к «математику», Света предпочитала не задумываться. Скорее всего, для начала Борман просто побеседует с ним по-хорошему, разъяснит политику казино. Если клиент окажется сообразительным и благоразумным, дело закончится миром. Если же начнет упрямиться, парням из службы охраны придется использовать более действенные меры вразумления. Вот и весь расклад. У них казино, а не благотворительный фонд, и то, что клиент не жульничал, а всего лишь использовал «беспроигрышную систему», никого волновать не станет. Так даже еще хуже:

Слеза ангела

«беспроигрышная система» — это же кошмар для владельцев игорных домов.

— Он уже пришел? — спросила Света, вглядываясь в лица посетителей на экране наблюдения.

— Рано еще, — Лешка до хруста в суставах потянулся. — Если и зайвится, то часикам к двенадцати, не раньше. Свет, а ты в самом деле веришь, что у этого чудика есть система?

— Не знаю, — она пожала плечами.

— А может, с рулеткой что не так? Нутам крен какой?

— Нет никакого крена, ее на днях проверяли.

— А ты ему не подыгрываешь? — Лешка хитро сощурился.

— Я?! — Света задохнулась от возмущения. — Да ты что?!

— Ладно, не обижайся. Это я просто так спросил, не подумавши. Борман материал по нему уже несколько раз просмотрел — вроде все чисто.

— Ну, спасибо, успокоил, — фыркнула Света. — А что, Борман в самом деле считает, что я могу быть причастна?

От этих мыслей в желудке неприятно заныло. Начальника службы безопасности, недаром прозванного Борманом, боялись все сотрудники казино. Было в этом невысоком, лысом мужике, по слухам, отставном полковнике ФСБ, что-то такое, от чего хотелось сразу же раскаться во всех грехах и начать сотрудничать со следствием. И то, что он обратил на Свету свой пристальный взгляд, было не очень хорошим предзнаменованием.

Татьяна
Корсакова

— Да что ты сразу скисла? — Лешка ободряюще улынулся. — У него же работа такая.

— Всех подозревать?

— Нет, следить за порядком. Иди-ка ты лучше, а то засечет тебя здесь — точно проблем не оберемся.

Просить дважды Свету не пришлось. Кому нужны лишние неприятности? Кивнув на прощание Лешке, она выскользнула в коридор. До начала смены оставалось пятнадцать минут, как раз на то, чтобы переодеться.

В игровом зале было непривычно малоллюдно. Может, хоть на сей раз повезет и ночь выдастся спокойной.

— Корнеева, — послышался за спиной знакомый голос.

Света обернулась.

— Добрый вечер, Ангелина Леонидовна.

— Добрый, — начальница окинула ее придирчивым взглядом. — Ты сегодня работаешь за пятым столом.

Обычно Света работала за седьмым, но спрашивать, чем вызвано неожиданное перемещение, не стала. Скорее всего, это проверка на вшивость, способ выяснить, есть ли между ней и «математиком» связь. Тут возможны два варианта. Первый — для «математика» важна привязка к конкретному месту, и тогда придется еще раз осмотреть рулетку. И второй — «математик» завязан не на столе, а на крупье. Вот этот второй вариант для Светы самый неприятный. Конечно, она ни в чем не виновата, но попробуй доказать это Борману. Эх, лучше бы «математик» вообще не пришел...

Слезангела

Светины мольбы не были услышаны. «Математик» нарисовался в игровом зале в половине первого, постоял секунду-другую в раздумьях, окинул присутствующих ленивым взглядом и направился в ее сторону. Света мысленно застонала. Все, свидания с Борманом и допроса с пристрастием не миновать. Это в самом лучшем случае, а в худшем и до увольнения недалеко.

— Доброй ночи, — «математик» улыбался ей широко и безмятежно, как старой знакомой. Вот черт...

— Доброй, — Света растянула губы в ответной улыбке. Наверное, получилось не слишком убедительно, потому что «математик» удивленно вскинул брови.

— Вы сегодня не в духе? Что-то случилось?

Сказать бы этому уроду, что случилось! А может, и в самом деле сказать? Света скосила взгляд в сторону камеры наблюдения. Как раз и момент подходящий: Ангелина Леонидовна отлучилась из зала, а за игровым столом кроме них двоих никого нет. Конечно, это не по правилам, а шпынять ее из-за какого-то проходимца и подозревать в измене — это по правилам?!

— Играем? — Света улыбнулась, на сей раз совершенно искренне.

— Ну, разумеется, — «математик» выложил на стол фишки.

Действовать нужно было прямо сейчас, потом может быть уже поздно.

— По какой системе играете? — вежливо поинтересовалась она...

Татьяна
Корсакова

Сабурин

Девчонка-крупье улыбалась и таращи­лась на него своими светло-серыми, почти прозрачными глазами. Сабурин впервые в жизни видел у женщины такие глаза — холодные, бесстрастные, точно у наемного убийцы. Или это из-за прозрачности? Может, какая-нибудь генетическая аномалия? Скорее всего, так и есть. Глаза эти рыбы, кожа бледная, волосы белые-белые, точно седые. Рановато ей еще седые волосы. Сколько ей — лет двадцать? Значит, и в самом деле аномалия. Альбинизм. Точно, похоже, что девчонка — альбинос. А то, что брови и ресницы темные, так это ерунда, их и покрасить можно.

Сабурин видел девчонку уже не первый раз, а все никак не мог привыкнуть к ее необычной внешности. Даже и не скажешь, хорошенькая она или уродина. Если смотрит куда-нибудь в сторону, так вроде и ничего, а если таращится прямо на тебя, вот как сейчас, то даже его нервы, крепкие и закаленные, не выдерживают.

Углубившись в эти умозаключения, Сабурин не сразу сообразил, что говорит ему девчонка-крупье. Раньше она с ним вообще не разговаривала, только улыбалась профессионально-отстраненной улыбкой.

— Прошу прощения? — Он нахмурился, пытается вникнуть в смысл сказанного.

— Я спрашиваю о вашей системе, — глаза-ледышки смотрели на него, не мигая. — У вас есть какая-то система, и она весьма действенная.

Слезангела

Сабурин мысленно чертыхнулся. Все-таки попался, вычислила какая-то малолетка, да еще так быстро...

А ведь Арсений предупреждал, что действовать нужно осторожно, что в казино не дураки работают, и если поймут, что он пытается кинуть заведение, будут проблемы. Сабурин тогда Арсению не то чтобы не поверил, просто не отнесся к предупреждению с должным вниманием. Конечно, Арсений — математический бог и знает о числах все, но ведь только в теории. А теория с практикой расходятся очень часто. Именно поэтому разработанную другом систему Сабурин всерьез не воспринимал, предпочитал относиться к ней как к забаве и на «полевые испытания» согласился легко. Ладно, одни разок можно попробовать, исключительно ради того, чтобы убедить упрямого Арсения в несостоятельности придуманной им системы. Можно даже баксов сто потратить на эту бесполезную идею, лишь бы друг успокоился и направил свою неуемную энергию в более перспективное русло.

В общем, об осторожности и конспирации в тот самый первый раз Сабурин не думал, потому как твердо верил, что играть в азартные игры с казино — равно как и с государством — дохлый номер. Не росли бы игорные дома как грибы после дождя, если бы содержание их было убыточным.

— Помнишь, как нужно считать? — спросил на прощание Арсений. Выглядел друг при этом так, точно это он сам, а не Сабурин отправляется на штурм казино.

Татьяна
Корсакова

— Помню.

— А поправку когда нужно использовать, помнишь?

— Да помню я все! Сеня, не переживай.

— И когда начнешь выигрывать, не суетись, держи себя в руках. Три-четыре раза выиграешь — и уходи.

— Договорились, — Сабурин, который в успех авантюры не верил, энергично кивнул, а мысленно добавил: «Уйду сразу, как только закончатся деньги, друг мой Сеня».

Он выбрал казино наугад, практически первое попавшееся. А чего суетиться, когда результат и так ясен? Был соблазн плюнуть на испытание и сыграть как бог на душу положит, но совесть взяла верх, и Сабурин решил играть по системе.

Нельзя сказать, что стол, за которым работала девочка-альбинос, он выбрал специально. Просто ее белая как лунь головка невольно привлекала внимание. Сабурин сделал ставку и проиграл. Ничего удивительного. Во-первых, теорию вероятностей еще никто не отменял, а во-вторых, Арсений предупреждал, что именно так все и будет: четыре проигрыша по мелочи, а потом крупная ставка и выигрыш, еще три-четыре проигрыша по мелочи и снова крупный выигрыш. А вот дальше, если вдруг зафартит, уже нужно применять поправку, но до этого дело не дойдет.

То ли фортуна в тот раз была на его стороне, то ли расчеты Арсения оказались верны, но все прошло как по нотам. Именно так, как и предсказывал

Слеза ангела

друг. После того как перед ошалевшим от небывалого везения Сабуриным оказалась гора фишек, появился соблазн продолжить игру. Он уже почти поддался этому соблазну, но в самый последний момент передумал. Арсений расстроится, если чистота эксперимента будет нарушена. Он и так выиграл вполне приличную сумму: пришел с сотней баксов, а уходит почти с двумя тысячами. Чтобы умиловить госпожу Удачу, Сабурин сунул девочке-крупье двести долларов — кто знает, может, она тоже часть его фарта? — а по пути домой зашел в круглосуточный магазин, купил армянского коньяку и всевозможной закуси. Надо же как-то отметить начинание.

Несмотря на предрассветный час, Арсений не спал. В ответ на звонок дверь открылась почти незамедлительно.

— Ну как? — От нетерпения друг едва не подпрыгивал в своем инвалидном кресле. — Получилось?!

— Все, как ты и предсказывал! — Сабурин поставил пакеты с провиантом на пол, сбросил ботинки.

— А там что? — Арсений кивнул на пакеты.

— Там еда и выпивка. Или ты по ночам не ешь?

— Я вообще только по ночам и ем, — друг подхватил пакеты, покатился на кухню.

Что верно, то верно, Арсений вообще предпочитал ночной образ жизни. Днем мог не вылезать из постели, зато к вечеру активизировался и ночи напролет просиживал за компьютером. Вот и сейчас из комнаты доносилось тихое жужжание системника.

Татьяна
Корсакова

Они были знакомы давно, с самого детства. До пятого класса учились в одной школе, а потом с Арсением случилось несчастье: упал с велосипеда, ударился спиной о бордюр. В результате — перелом позвоночника, травма спинного мозга и паралич. Они тогда были в таком наивном возрасте, когда твердо веришь, что смерти нет, и самая опасная болезнь — это ангина, а тут такое страшное — паралич. И не на пару дней или недель, а на всю жизнь, навсегда. Арсений, кажется, понял это самым последним, долго не верил, пытался выбраться из ненавистного инвалидного кресла, падал, расшибал в кровь лицо, набивал синяки и шишки и снова пытался встать на ноги. Он сражался с неизбежным почти год, в одиночку, потому что остальные — родители, врачи и друзья — уже смирились, а потом вдруг успокоился. Или смирился. Сабурин никогда его об этом не спрашивал, не хотел бередить старую рану. В тот год, что Арсений боролся с неизбежным, друзья его забыли. И не потому, что такие плохие, а потому, что они были детьми, а дети — существа в равной мере искренние и жестокие. Изображать сострадание и тяготиться чужой бедой они не умеют. Зачем? Ведь намного проще и естественнее забыть. Да и видеть доказательства того, что жизнь далеко не так совершенна, не хочется.

Виталик Сабурин мало чем отличался от своих товарищей и наверняка последовал бы их примеру, если бы не одно «но» — с Арсением ему было интересно. Да, с ним больше не погоняешь на велике и не поиграешь в футбол. Зато он мог из бесполез-

Слеза ангела

ных железок собрать самого настоящего робота на дистанционном управлении, мог починить плеер и построить удивительно красивый макет парусника. Но даже не это главное. Арсений не только создавал все эти чудесные вещи, но еще и учил Виталика самого делать их. И историй всяких разных он знал бесконечное множество, и рассказывать их умел так интересно, что аж дух захватывало. Особенно страшилки на ночь глядя. Виталик не знал, откуда берутся эти невероятные истории, наверное, большей частью из книг, которыми был заставлен огромный книжный шкаф в комнате Арсения. Самые же интересные и самые жуткие рассказы друг, скорее всего, придумывал сам. В этом Виталик почти не сомневался.

Они вместе выросли, вместе вступили сначала в бестолковый подростковый период, а потом и во взрослую жизнь. Их симбиоз получился полноценным и взаимовыгодным, потому что через Виталика Арсений контактировал с внешним миром, получал необходимую информацию и впечатления. Сабурин, оказывается, был не хуже Всемирной паутины. Этим можно было гордиться, потому что Интернет со временем заменил другу реальность, отодвинул все другие радости жизни на второй план. Все, кроме дружбы с Сабуриным.

— О, и Силантия не забыл! — слышался из кухни радостный голос Арсения. — Эй, Силантий, Бурый тебе пожрать принес!

Он еще не успел договорить, как из комнаты вышел Силантий — здоровенный одноглазый котьяра

Татьяна
Корсакова

с порванным в бесчисленных дворовых боях ухом. Не удостоив гостя даже взглядом, Силантий проследовал на кухню. Вот ведь полосатый паразит! Знает же, что все самое вкусное ему приносит именно Сабурин, а все равно игнорирует его, не желает принимать в ближний круг. В ближнем кругу у Силантия числятся единицы: любимый хозяин, соседская кошка Люсинда, судя по регулярному и разномастному потомству та еще ветреница, и дворничиха тетя Дуся. Причем понять причину привязанности Силантия к этой крикливой, вечно пьяной даме Сабурин не мог, как ни старался. Сам неоднократно видел, как тетя Дуся охаживала Силантия веником и называла одноглазым иродом, а кот все равно души в ней не чаял, терся о ноги, преданно заглядывал в глаза. Наверное, в этом труднообъяснимом случае срабатывал принцип, озвученный еще Александром Сергеевичем: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Только применим он был не к женщинам, а к тонко организованной кошачьей душе.

В ту ночь они с Арсением на радостях напились. Причем друг по большей части прославлял теорию, а Сабурин — практику. Как ни крути, а две тысячи баксов на дороге не валяются. У Арсения вон кресло скрипит, того и гляди сломается, да и сабуринской «бээмвушке» не повредит кое-какой ремонт.

На следующий день Сабурин не пошел в казино: отчасти из-за жесточайшего похмелья, а отчасти из соображений осторожности. Арсений считал,

Слеза ангела

что очередной набег можно повторить не раньше, чем через неделю, а Сабурин был убежден, что бояться нечего. Они же не играют по-крупному, а кто станет обращать внимание на мелочовку? В общем, через день он снова оказался в казино, а прошлой ночью за столом девочки-альбиноса выиграл аж целых шесть штук. Принимая во внимание то, что ставки на сей раз были посерьезнее, и учитывая заложенные в расчет обязательные проигрыши, выглядело это вовсе не подозрительно. Зря Арсений волновался, никто ничего не замечает...

...Оказывается, замечают. Вот, к примеру, девчонка-крупье заметила. И мало того что заметила, так еще и в лоб про систему спросила.

— Вы шутите? — Сабурин улыбнулся как можно безмятежнее.

— Не шучу, — в глазах-льдинках зажегся злой огонек. — Охрана казино в курсе, что вы — «математик».

— Кто я? — спросил он растерянно.

— «Математик» — человек, просчитывающий игру.

— В этом есть что-то противозаконное?

— Нет, но администрации ваши действия неприятны.

— Ваше заявление стоит расценивать как угрозу? — Сабурин нахмурился.

— Давайте вы сделаете ставку, а потом мы поговорим, — девчонка скосила глаза куда-то вверх и влево. Сабурин проследил за ее взглядом. Все понятно — камеры видеонаблюдения.

Татьяна
Корсакова

— Десять на черное, — он выложил на стол фишки.

— Ставка сделана, — девчонка крутанула рулетку, бросила шарик.

Сабурин проиграл.

— Поговорим? — спросил он, наблюдая, как уплывают его денежки.

— Хорошо, — девчонка улыбнулась самыми уголками губ. — Я не угрожаю, я вас просто предупреждаю. Если вы продолжите в том же духе, у вас могут возникнуть определенные неприятности.

— Какие именно?

— Наш начальник службы безопасности очень непредсказуемый человек, — намек на улыбку исчез с бледного лица, взгляд снова стал непроницаемым. — Еще ставка?

— Да, пожалуй.

Сабурин поставил двадцать на красное, просто так, безо всякой системы, и снова проиграл. Девчонка-крупье, как ему показалось, не без удовольствия заграбастала фишки.

— Вам лучше отказаться от своей системы, — сказала она шепотом, — по крайней мере, в нашем казино этот номер больше не пройдет, потому что... — Она не договорила, вся подобралась.

Сабурин затылком почувствовал, что за ними кто-то наблюдает. Обращиваться и выяснять, чей это взгляд пытается просверлить в его черепе дырку, он не стал.

— Что-то мне сегодня не везет, — сказал он с тоской в голосе. — А давайте-ка попробуем еще раз.

Слеза ангела

— С удовольствием, — ему показалось, что девчонка вздохнула с облегчением. Интересно, ей-то чего бояться?

— Один момент, — Сабурин обернулся, сделал знак официанту и заодно осмотрел зал. Источник раздражения он вычислил безошибочно. Невысокий лысый мужик в наглухо застегнутом пиджаке стоял всего в паре метров от их стола. На Сабурина мужик не смотрел, что-то говорил поджарой даме средних лет, но и без того было ясно — вот он, главный здешний каратель.

— Зачем вы мне помогаете? — спросил Сабурин, когда начальник службы безопасности направился к выходу из зала.

— Я помогаю не вам, а себе. Из-за вашей подзрительной везучести у меня могут возникнуть неприятности, — девчонка поморщилась.

— Насколько серьезные?

— Еще не знаю.

Он все понял. Девчонка боится, что ее могут заподозрить в сговоре с ним и турнуть с работы, а то и еще чего похуже сделать, от этого типа, начальника службы безопасности, можно всякого ожидать. Сабурину доводилось встречать таких в своей беспокойной и насыщенной событиями жизни. Это не человек, это профессионал-фанатик. И еще неизвестно, чего там больше: профессионализма или фанатизма. Такой, будь его воля, ставил бы к стенке и за куда меньшие прегрешения, чем сговор с клиентом.

Татьяна
Корсакова

— Вы были моим талисманом, — сказал он девчонке доверительным шепотом, — но сегодня мне почему-то не везет.

— Может, есть смысл попытаться удачу за другим столом? — вежливо осведомилась она.

— Пожалуй, вы правы. А не подскажите, какой стол у вас здесь наиболее перспективный?

В глазах-льдинках блеснул и тут же погас озорной огонек.

— Шансы на выигрыш не зависят от выбора игрового стола, равно как и от личности крупье.

— А от чего они зависят?

— Раньше я думала, что ни от чего, а сейчас даже не знаю, что и ответить, — это она, видимо, намекает на систему Арсения.

— Ну что ж, было очень приятно с вами пообщаться, — Сабурин галантно поклонился девчонке и, прихватив бокал с коктейлем, направился к соседнему столу.

Краем глаза он успел заметить, что начальник службы безопасности снова нарисовался в зале. Непонятно, следил ли этот тип непосредственно за ним, Сабуриным, или просто наблюдал за порядком. По правде говоря, Сабурин не был склонен преувеличивать значимость своей скромной персоны. Скорее всего, в глазах местных церберов он всего лишь мелкая сошка, но поостеречься все-таки стоит.

Слезангела

Избранница

Клиент попался сообразительный. Когда парень направился к другому столу, Света вздохнула с облегчением, украдкой вытерла об юбку вспотевшие ладони. Может быть, ей повезет и допроса с пристрастием удастся избежать. Главное, чтобы «математик» не взялся за старое или взялся — черт с ним, — но не в этом казино.

Дальше все пошло своим чередом, но надежда на то, что смена выдаться спокойной, не оправдалась. К полуночи народ повалил валом, и на мысли о «математике» просто не осталось ни сил, ни времени. К моменту долгожданного перерыва Света чувствовала себя как выжатый лимон. Вот он и называется — недосып. Сейчас самое время приложиться к баночке с энерготоником.

В комнате для отдыха никого не было. Света с мученическим стоном рухнула в глубокое кресло, вытянула гудящие ноги. Был соблазн сбросить туфли, но она не стала: ступни отекли, и засунуть их потом обратно в узкие лодочки будет весьма проблематично. Вместо этого Света пошарила в сумке в поисках мобильного. Скорее всего, Ритка звонила, и не один раз, надо бы перезвонить, узнать, как там у нее дела. Мобильника в сумке не оказалось. Да и откуда ему там взяться, если она забыла его на кухонном столе. Вот ведь незадача! Завтра Ритка изведет ее упреками, да и непривычно как-то без телефона.

Татьяна
Корсакова

Когда Света вернулась в зал, «математика» там уже не было. А может, и был, но затерялся в толпе посетителей. Конечно, Борман не дурак, может сложить два и два и заподозрить, что она предупредила клиента, но ведь доказательств-то никаких!

Энерготоника хватило еще на пару часов, а потом снова накатила усталость. И клиенты сегодня все как один противные. Замордовали уже, честное слово. Скорее бы закончилась смена!

— Корнеева, — ей на плечо легла мягкая ладонь.

— Слушаю вас, Ангелина Леонидовна, — Света попыталась улыбнуться максимально бодро и приветливо.

— Выглядишь усталой, — начальница неодобрительно покачала головой. — Синяки вон под глазами.

— Так ведь две ночи подряд без сна.

— А день тебе на что?

— На учебу.

— Ох, грехи мои тяжкие! — Ангелина Леонидовна возвела глаза к потолку. — Сплошные проблемы с этой молодежью. У одной ребенок каждый месяц болеет, второй выспаться некогда, третья соседей снизу затопила.

— Кто соседей затопил? — спросила Света не столько из любопытства, сколько из вежливости.

— Так ты, Корнеева, и затопила. Только что звонила какая-то истеричная тетка, орала, что у нее с потолка льется вода, а попасть к тебе в квартиру, чтобы перекрыть воду, аварийка не может, потому что ты, шалава такая, ночами по всяким злачным местам шастаешь, — процитировала начальница и

Слезка ангела

поморщилась, не то от воспоминаний об истеричной тетке, не то от Светиной безалаберности.

— Соседка снизу? Аделаида Карловна!.. — У Светы похолодело внутри. Если она и в самом деле затопила эту мымру, ей конец. Ада ее со свету сживет, а перед этим по судам затаскает. Хобби у нее такое — со всеми судиться.

— Не знаю, эта ненормальная не представилась, — Ангелина Леонидовна нервно дернула плечом. — Орала как резаная, грозилась всех под суд отдать.

— Точно Ада, — Света лихорадочно дернула ворот блузки и с мольбой посмотрела на начальницу. — Ангелина Леонидовна, мне бы домой.

— Да я уж поняла, — фыркнула та. — Ладно, беги. От тебя сегодня толку все равно нет, квеляя какая-то. Виктора за твой стол поставлю.

— Спасибо, — Света благодарно улыбнулась. Все-таки начальница у нее хорошая: требовательная, но не сволочная, может войти в положение. — Ну, я побежала?

— Беги. Нет, стой! — Ангелина Леонидовна поймала ее за рукав. — Что там с «математиком»? Видела, он за твоим столом начинал играть.

— Начинал, — Света рассеянно кивнула, в мыслях она уже была дома и выслушивала возмущенные вопли Ады.

— Ну и как? Есть там система?

— Вряд ли, — соврала она, — сегодня у него игра вообще не шла, он даже стол сменил. Сказал, что я перестала приносить ему удачу.

Татьяна
Корсакова

— Он тебя за талисман держал? — Начальница усмехнулась.

— Ну, что-то вроде того. Ангелина Леонидовна, можно, я уже полечу? — взмолилась Света.

— Лети, летчица, — начальница поманила пальцем входящего в зал Виктора.

— Витюша, я отработаю! — Света сложила ладони в умоляющем жесте.

— Нужны мне твои отработки, — Виктор флегматично пожал плечами и занял место за столом.

— Не бухти, — прикрикнула на него Ангелина Леонидовна, — сам на прошлой неделе с середины смены ушел. Или уже забыл?

— Так у меня ж причина была уважительная, вы же помните...

Света, не став слушать, какая такая причина побудила коллегу покинуть боевой пост, едва ли не бегом бросилась к выходу из зала.

После духоты казино воздух снаружи казался упоительно свежим, но Свете было не до него. Она повертела головой в поисках такси или хотя бы частного. Ничего! Что же делать? Общественный транспорт уже не ходит. Чтобы вызвать радиотакси, придется возвращаться, а это потерянное время. Ада небось уже строчит заявление в милицию. Нет, лучше бежать напрямик через скверик к таксопарку. Там точно можно будет поймать машину...

Едва ступив на засаженную старыми липами аллею, Света поняла, что совершила ошибку. Если у казино сквер освещался более-менее хорошо, то здесь с каждым шагом окружающая темнота дела-

Слеза ангела

лась все гуще и осязаемее. Сначала глубокие тени жались по краям аллеи, но постепенно становились наглее и наглее: наползали со всех сторон, гасили желтый свет редких фонарей. В ночной тишине перестук каблучков казался оглушительно громким и каким-то жутким. Света остановилась — эхо ее шагов медленно, точно нехотя, угасло. И в этой зловещей тишине слух успел уловить какой-то другой звук, кажется, тоже шаги, только более тяжелые и размеренные — мужские. Сердце испуганно екнуло, спина моментально покрылась испариной. Света до рези в глазах всматривалась в темноту позади себя — никого. Может, показалось? Или не показалось, но это всего лишь шаги случайного прохожего, какого-нибудь загулявшего пьянчужки или, к примеру, клиента казино. Такси ведь на стоянке нет, вот человек и решил, как она, идти напрямик через сквер...

А что, если это маньяк? Какой-нибудь сумасшедший с огромным тесаком? Что их мало, этих ненормальных? Вон по телику каждый день показывают...

И шаги стихли... Притаился? Или просто сошел с дорожки и крадется сейчас по кустам? Вдруг он уже совсем близко? Ой, мамочки...

Бежать на высоких каблучках неудобно, а снимать туфли не было времени. Ничего, тут немного осталось, метров через сто пятьдесят таксопарк. Можно сказать, нет больше никакой опасности...

Опасность оказалась коварной. Она поджидала Свету впереди, тянула к ней длинные руки, скалилась в жуткой улыбке и пахла чем-то тошнотвор-

Татьяна
Корсакова

ным. Она не была похожа на загулявшего пьянчужку или на запоздалого прохожего или даже на маньяка. Она была похожа на... нежить. А еще она оказалась не одна, за спиной первой, самой жуткой, маячили еще две — черные, безмолвные.

Света всхлипнула, отступила на шаг. Осознание того, что от этих троих не уйти, парализовывало, делало ноги ватными. Когда на ее шее сомкнулись холодные пальцы, Света закричала. Крик был последним, что она могла противопоставить обрушившемуся на нее кошмару.

— Не надо бояться, Клер, — голос тягучий, успокаивающий и почти не страшный в отличие от лица.

Теперь она видела это лицо близко-близко. Белая кожа, черные провалы глазниц, растянутые в ласковой улыбке губы, острые клыки. А еще запах, приторно-сладкий, смутно знакомый.

— Все будет хорошо, Клер, — глаза отсвечивают красным, но при этом они совсем не страшные.

И лицо не страшное. Странно, что она испугалась... Вот только запах... запах плохой: берedit душу, выворачивает наизнанку...

— Ты должна пойти с нами, Клер, — пальцы на шее сжимаются чуть сильнее.

Тяжело дышать, но это неважно. Главное — смотреть, не отрываясь, в эти необычные глаза. Если она будет смотреть, то сумеет понять что-то очень важное, то, что постоянно ускользает...

— Вот, хорошая девочка, — в глазах незнакомца отражается луна. Луна красная, как запах. Пахнет красным и чуть-чуть черным. А шее уже не больно, только немного колко и щекотно.

Слеза ангела

— Я не Клер, — язык не слушается, чужое имя дается с трудом, вязнет на зубах, пахнет желтым.

— Ты получила послание? Где Слеза ангела? — Бледное лицо еще ближе. На губах что-то черное. Или красное, в темноте не разобрать. Ангелы — это такие белые, с крыльями, пахнут золотым... Разве ангелы плачут? Смешно... Смех царапает горло, вырывается изо рта сизым туманом. Смеяться больно. А смотреть на красные луны в глазах незнакомца интересно...

— ...Рем, князь велел ее не трогать, — это уже другой голос, обычный, человеческий. Голос торопится и, кажется, боится.

— Ну, пойдём, девочка, — глаза с красными лунами становятся огромными, запах крови щекочет ноздри. Да, это кровь. Кровь пахнет красным и немного черным, если она запекшаяся...

Голова кружится, вместе с ней кружится лицо незнакомца. Как же она сможет пойти с ними, если земля уплывает из-под ног? Земля уплывает, она падает, а ангел плачет...

Рене де Берни. Прованс. Август 1096 г.

Я счастливейший из смертных! Отец нашел выход. Вчера они с аббатом Аланусом долго беседовали со мной и Гуго. Искупление — вот решение всех наших проблем, способ избавиться от родового проклятья. Искупление начнется пятнадцатого августа в день вознесения Богородицы. Так символично, так правильно. Крестовый поход в Святую землю, освобождение Гроба Господня от

Татьяна
Корсакова

нечестивцев, очищение души от грехов предков, спасение рода де Берни.

Папа римский уже призвал свою паству восстать на борьбу со злом, и зов его был услышан тысячами сердец. До замка еще с весны стали доходить слухи, что огромное воинство Христово под предводительством бесстрашного рыцаря Вальтера и амьенского монаха Петра Пустынника уже вышло в поход на Иерусалим. Счастливичики! Как же я им завидовал. Представлял, как кто-то другой, а не я, обогрив верный меч кровью проклятых иноверцев, чтобы преклонить колени у Гроба Господня. Я завидовал им даже тогда, когда всю Францию всколыхнула чудовищная весть: в долине Дракона христианское воинство было разбито. Сельджуки, это отродье сатаны, не пощадили никого: ни стариков, ни женщин, ни детей. В той страшной битве пал благородный рыцарь Вальтер, а до стен Византии добрались лишь десятки из тысяч.

Каюсь, тогда я поддался отчаянию и едва не утратил надежду. А вчера... вчера надежда возродилась, а вера моя окрепла неимоверно. Крестовый поход — музыка для души истинно верующего!

Я слушал неспешный рассказ аббата Алануса, и сердце мое трепетало от радости и нетерпения. Сердце чувствовало: разговор этот зашел неспроста. А еще оно боялось, что выбор падет не на меня, а на Гуго. Гуго — старший сын, после смерти отца он унаследует все: и замок, и земли, и... родовое проклятье, следы которого уже видны на его бледной коже и в потухшем взгляде. Нет, отец

Слеза ангела

должен понимать: Гуго нужен здесь, во Франции, а крестоносцем — Господи, какое дивное слово! — должен стать я. Мне всего семнадцать, я молод, я силен, и я пока еще здоров. Я смогу! Не хочу сидеть здесь, в стылom замке, гнить заживо и медленно превращаться в чудовище.

Господь услышал мои мольбы, я увидел ответы на свои вопросы в пристальном взгляде отца и обнадёживающей улыбке аббата.

— Я буду... крестоносцем? — Слова срываются с губ сами, помимо моей воли.

— Крестоносцем, — эхом повторяет Гуго и смотрит на свои скрещенные на груди руки.

— Я списался с епископом Ле Пюи, — аббат Аланус кивает. — Граф Раймунд Тулузский выступит через два дня. У нас мало времени, мой мальчик.

— Да, мало времени, — отец устало трет глаза. Видеть его руки, большие похожие на птичьи лапы, больно и страшно. — Времени никогда не хватает.

— Времени и золота, — снова подает голос Гуго.

Да, брат, как всегда, прав. Год выдался неурожайным, запасов зерна едва хватило, чтобы дотянуть до весны, виноградники вымерзли, крестьяне голодали и роптали. Если б не их суеверный страх перед отцом, не миновать бы беды.

— Я достану деньги, — отец гладит тяжелую золотую цепь на своей груди.

— А оружие? Алошадь и доспехи? — не унимается Гуго. Вечно он так — все портит, все подвергает сомнению.

Татьяна
Корсакова

— Рене, мальчик мой, встань, — голос отца непривычно мягок.

Я послушно поднимаюсь из кресла. Ноги дрожат, руки тоже.

— Я уже стар, — нетерпеливым жестом отец останавливает возражения аббата. — Домашний халат — вот отныне мои доспехи. Заберешь мой меч.

Меч! Настоящий меч, прошедший с отцом не одну битву, напившийся крови сотен врагов, семейная реликвия, которая должна была достаться Гуго, старшему сыну, а досталась мне, младшему. Сейчас Гуго станет возражать и...

— Отец, но как же?! — Старший брат тоже вскакивает с места, смотрит сначала на отца, потом на меня. Я получаю взгляд, полный ненависти.

— Молчать! — У отца страшные глаза, в отблесках горящих в зале факелов они отсвечивают красным. — Я сказал — мои доспехи, мой меч и твой конь!

Конь, черногривый Ураган, единственная любовь и гордость Гуго?.. От коня я лучше откажусь, так будет честнее и... безопаснее.

— И ты молчи! — Отец читает мои мысли еще до того, как я успеваю их озвучить. — Что за рыцарь без боевого коня?! Или ты собираешься идти к Гробу Господню пешком, нацепив рубище пилигрима?

Нет, я не хочу пилигримом, я хочу рыцарем. И чтобы обязательно на плаще был крест — символ веры.

Слеза ангела

— Все, разговор окончен, — отец сжимает в скрюченных пальцах кубок с густым, как кровь, вином, смотрит на нас с братом поверх кубка и говорит уже спокойнее: — Время позднее, дети мои, идите спать.

В ту ночь я так и не смог уснуть, все представлял себя верхом на черном как ночь Урагане с отцовским мечом в руке. Клер не поверит своим глазам, когда увидит меня.

Клер, моя любовь, сердце мое. Что с ней станет, когда до нее дойдет весть, что я отправляюсь в Святую землю? Она же плачет даже из-за коротких двухдневных разлук, а тут Крестовый поход. Ничего, она поймет. Я уничтожу всех врагов Господа нашего, а потом вернусь домой, богатым, осененный славой великого воителя.

Клер плакала. Видеть, как по румяным щечкам бегут ручейки слез, невыносимо. Мы стояли у старой часовни: Клер плакала, а я не знал, как ее утешить. Она поцеловала меня первой. Едва осязаемое касание губ, горечь слез на щеках — теперь и умирать не страшно.

Клер сказала, что нашьет крест на мой плащ, и обещала никому не отдавать свое сердце до моего возвращения. К замку я шагал окрыленный и опьяненный счастьем, наверное, поэтому слишком поздно заметил идущую мне навстречу тень.

— Радуешься, вор? — Гуго пьян, рыжая борода слиплась от пролитого вина.

Вор? Нет, я не вор, я всего лишь послушный сын.

— Брат, я выполняю волю отца.

Татьяна
Корсакова

— Крестоносец, — Гуго многозначительно смотрит на свой сжатый кулак, и мое сердце трусливо замирает. Гуго старше и сильнее, если будет драка, мне несдобровать. Прошлый раз дело закончилось сломанным ребром. Я неделю харкал кровью, по ночам скрипел зубами от боли и считал, что еще легко отделаюсь.

— Крестоносец — вор, — Гуго прячет кулак за спину. — Ты всегда зарился на мое, маленький ублюдок.

Надо бы обидеться — и на вора, и на ублюдка, но я не обижаюсь. Страх перед братом сильнее гордости. Молчать, не злить его — вот основное правило. Очень скоро меня здесь не будет.

— Ты сдохнешь в своем Крестовом походе! — Гуго сплевывает мне под ноги. — А если тебе, щенок, вдруг удастся выжить, — его длинное, испещренное оспинами лицо теперь близко-близко, а глаза, чуть прищуренные, полыхают дьявольским огнем, — послушайся братского совета, не возвращайся! — Удар под дых сбивает меня с ног, заставляет распластаться на раскалившейся за день земле. — Ты украл моего коня, — доносится сверху шипящий голос, — а я отниму твою любовь.

О ком он? О Клер?.. Нет, Гуго не посмеет, Клер — воспитанница отца.

— Я посмею, — шипение змеей вползает в уши. — И, знаешь что, я разрешаю тебе вернуться, чтобы убедиться в этом...